

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.10302

Что, кого и как лечил доктор Крупов Герцена?

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Русская литература сравнительно поздно обратила внимание на социальный тип врача. В романах первой половины XIX века постепенно появляются безумные доктора медицины, которые, как правило, предстают эпизодическими лицами без характеров. С ними приятно общаться как с образованными и умными людьми, при необходимости к ним можно обратиться за медицинской помощью. Одним из тех, кто дал своим героям врачам имя и лицо, был А. И. Герцен. Его произведения о докторе Крупове стали развитием медицинской темы в русской и европейской литературе. Они преемственно связаны с «Фаустом» Гете и «Героем нашего времени» Лермонтова. Как Фауст, доктор Крупов — философ, ставящий мировые вопросы, как Вернер — идеолог, скептик, резонер и материалист. Теория Крупова о том, что мир безумен, все психически больны, нужно лечить общество, а не пациентов, на самом деле не столь однозначна, как она выглядит, если верить суждениям самого героя и критиков, писавших о повести Герцена. Двойственность отношения автора к теории Крупова придает тексту амбивалентность, игровой характер. Противоречия политических идей и невозможность их исполнения преодолеваются в произведениях Герцена о докторе Крупове литературными средствами: иронией, сатирой, пародией. В лечении социальных болезней литература для Герцена оказалась предпочтительнее медицины.

Ключевые слова: Герцен, Лермонтов, Гете, доктор, врач, тип, характер, скептик, материалист, критик, безумие, сумасшествие, сатира, ирония, амбивалентность

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Захаров В. Н. Что, кого и как лечил доктор Крупов Герцена? // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 320–330. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10302

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.10302

What, Who and How Did Herzen's Dr. Krupov Treat?

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The Russian literature was relatively late in heeding attention to the social type of the doctor. Nameless medical doctors gradually appear in the novels of the first half of the 19th century, typically as episodic persons without characters. They are educated and intelligent people, thus pleasant to communicate with, and if necessary, medical help can be obtained from them. One of those who endowed their doctor heroes with names and human characters was A. I. Herzen. His works about Dr. Krupov fostered the subject of medicine in Russian and European literature. They are the legacy of Goethe's *Faust* and Lermontov's *A Hero of Our Time*. Like Faust, Dr. Krupov is a philosopher who poses global questions, and like Werner, he is an ideologist, a skeptic, a reasoner and a materialist. Krupov's theory that the world is insane, everyone is mentally ill, and the society, rather than patients, needs to be treated is actually not as unambiguous as it seems, if you believe the opinions of the character himself and the critics who wrote about Herzen's story. The uncertainty of the author's attitude to Krupov's theory endows the text with ambivalence, a certain playfulness. Contradictions of political ideas and the impossibility of their execution are overcome in Herzen's works about Dr. Krupov by literary means, such as irony, satire, parody. Herzen came to favor literature over medicine in treatment of social diseases.

Keywords: Herzen, Lermontov, Goethe, doctor, type, character, skeptic, materialist, critic, madness, satire, irony, ambivalence

Acknowledgments: The reported study was funded Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00481.

For citation: Zakharov V. N. What, Who and How Did Herzen's Dr. Krupov Treat? In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 320–330. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10302 (In Russ.)

Как известно, Герцен не имел медицинского образования. Он учился в Московском университете, но по другой специальности: его интересовали астрономия, физика, натурфилософия, философия, творчество. Окончив университет кандидатом, он не стал ни магистром, ни доктором. В этом смысле доктор Крупов, закончивший Московскую медико-хирургическую академию, был некой сублимацией, его альтернативной нереализованной судьбой. Он вполне мог, как Бельтов, мечтать о том, как будет лечить людей, — это привлекало и героя, и автора, но не увлекало их.

Доктор Крупов — герой нескольких произведений Герцена. Он — тип и характер не то в романе, не то в повести «Кто виноват?». Сам автор назвал свое сочинение повестью, но в отдельных изданиях публиковал его как роман. В произведении есть романический сюжетно-композиционный параллелизм трех семейных историй: Негровых, Круциферских, Бельтовых, — сложное сплетение судеб героев, неразрешимый любовный «треугольник». Вместе с тем в повествовании преобладает хронологический принцип, который организует события в том порядке, как они могли бы произойти. В результате синтеза романа и повести получился своего рода роман в форме повести, или романическая повесть.

Семен Иванович Крупов играет ключевую роль в сюжете романа «Кто виноват?»: он всех перезнакомил, всех свел и развел, произнес свой суд над страстями героев. От его лица написана повесть, опубликованная в журнале «Современник» за 1847 г. под названием «Из сочинения доктора Крупова „О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности“», но более известная как «Доктор Крупов». Позже Герцен еще несколько раз возвращался к повести, в том числе вспомнив своего героя в трактате «Aphorismata по поводу психиатрической теории д-ра медицины и хирургии С. И. Крупова. Сочинение Тита Левиафанского, прозектора и адъюнкт-профессора» (1869).

Врач, имевший ученую степень, был новым типом в русской литературе, но эта новизна относительна у Герцена. Его Крупов напоминает другого доктора в русской литературе — доктора Вернера из романа Лермонтова «Герой нашего времени».

Оба доктора — скептики, резонеры, материалисты, «как все почти медики»¹. Оба носители положительного натурфилософского знания. Вернер — еще и поэт, хотя не написал и «двух стихов».

Концепцию героя создал Лермонтов. Врач востребован, он со многими состоит в доверительных отношениях. Все перед ним или действительные, или потенциальные пациенты. Он помогает объясниться героям, судит их поступки, дает свою оценку их личным качествам. Лермонтов же назвал и литературный источник образа своего героя — намеренно неточный. Характеризуя доктора Вернера, Печорин отмечает, что его «молодежь прозвала Мефистофелем: он показывал будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию»². Так назван и введен в текст «Фауст» Гете. Впрочем, роль Мефистофеля более подошла бы Печорину. В товарищи Вернеру скорее годятся сам доктор Фауст или его ученик Вагнер. «Ложная» адресация подсказывает генеалогию героя.

И Вернер, и Крупов наблюдают и лечат своих пациентов, но они не убеждены в способах своего лечения. Доктор Вернер имел неосторожность посмеиваться над «водяным обществом», что имело следствием потерю пациентов. Доктор Крупов более склонен философствовать, чем лечить. Не случайно, он не столько лекарь, сколько инспектор врачебной палаты.

Все болеют и лечатся, болеют и явными, и мнимыми болезнями, но активно лечатся только купцы, которые занимаются самолечением дегтем, скипидаром, кровопусканием, пиявками и другими подобными средствами, — они или выздоравливают, или умирают через несколько дней.

Свою концепцию мира в одноименной повести Крупов строит, исходя из медицинской практики, из опыта наблюдений над знакомыми и пациентами. Он рассказывает о Лёвке, которого все считали «глупорожденным», смеялись над ним, а он знал о природе, животных больше, чем те, кто учился в школе, сам же герой оказался неспособным овладеть чтением и письмом.

Лёвку некоторые исследователи представляют юродивым (см., напр.: [Мотеюнайте]), но в его образе жизни отсутствует религиозный компонент, нет и юродства Христа ради. Его

обижают и называют юродивым «взрослые мужики»³. Повествователь возвращает эту метафору гонителям Лёвки: «...и все остальные — юродивые, только на свой лад, и сермятся, что Лёвка глуп по-своему» (4; 282).

Эта догадка «выгнала» из головы повествователя «все хрии и метафоры» и вызвала «новую мысль»:

«В самом деле, — думалось мне, — чем Лёвка хуже других? Тем, что он не приносит никакой пользы? Ну, а пятьдесят поколений, которые жили только для того на этом клочке земли, чтоб их дети не умерли с голоду сегодня и чтоб никто не знал, зачем они жили и для чего они жили, — где же польза их существования? *Наслаждение жизнью*? Да они ею никогда не наслаждались, по крайней мере, гораздо менее Лёвки. Для них жизнь была тяжелая ноша и скучный обряд. Дети? Дети могут быть и у Лёвки, это дело нехитрое. Зачем Лёвка не работает? Да что же за беда, он ни у кого ничего не просит, кой-как сыт. Чем же он хуже умников, которые, несмотря на то, что работают денно и нощно, не богаче его? Работа — не наслаждение какое-нибудь; кто может обойтись без работы, тот не работает. Да вот чего далеко искать: один человек, делающий пользу, т. е. не вообще пользу, а хоть себе, Федор Григорьевич, вовсе ничего не делает, польза сама делается для него. Чем Лёвка сыт, я не понимаю, но знаю одно, что как он ни туп, но если наберет ягод или грибов, то его не так легко убедить, что он может есть одни неспелые ягоды да сыроежки, а что вкусные ягоды и белые грибы принадлежат... ну, хоть отцу Василью. Лёвка никогда дома не живет, не исполняет обязанностей сына, брата. Ну, а те, которые дома, разве исполняют? У него есть еще семь братьев и сестер, живущих в постоянной ссоре между собой, которая длится вроде Тридцатилетней войны...» И я постоянно возвращался к основной мысли, что причина всех гонений на Лёвку состоит в том, что Лёвка глуп на свой особенный салтык, а другие *повально глупы*; и так, как картежники не любят неиграющих и пьяницы непьющих, так и они ненавидят бедного Лёвку» (курсив мой. — В. 3.) (4; 282–283).

Герой записок доктора Крупова — Простодушный, дитя природы. Он — естественный человек, герой французского Просвещения, воспетый Вольтером. Его бесполезно учить абстрактным книжным знаниям. Он понимает природу: плавает, как рыба в воде, ловчее всех лазает по деревьям, делает

многое лучше других. Он мудр своим естественным образом жизни.

В Московской медико-хирургической академии студент Крупов изучает психиатрию, вскрывая трупы в прозекторской, наблюдая больных в домах умалишенных, и снова убеждается в том, что сумасшедшие не отличаются от здоровых, а здоровые от помешанных. В обывателях он находит признаки безумия. Общество состоит из психически больных людей. Приводя примеры неразумного поведения, доктор Крупов приходит к убеждению, что и больные, и здоровые психически больны. Описывая их, он создает сатирический образ мира, в котором человек и общество безумны.

Доктор Крупов предлагает свою диагностику социального безумия, признаками которого являются расстройства умственных способностей: неправильное и непроизвольное восприятие окружающих предметов, упорство сохранить это неправильное знание во вред себе, стремление к несущественным и упущение действительных целей (4; 289).

Подобная симптоматика позволяет любого объявить безумцем. Эту болезнь не вылечить лекарствами из аптеки. Так, врач назначает враждующим супругам уединиться в загородном доме, жить тихо и спокойно, чтобы не ссориться — спать порознь. Прежде всего доктор стремится устранить социальные причины болезни.

Внимательный взгляд Семена Ивановича Крупова замечает признаки безумия в истории народов, в повседневной жизни людей, в книгах, обычаях. Доктор объясняет их «психическими эпидемиями», спасаясь от которых прилично употреблять шампанское, которое располагает к дружбе, доблести чувств; он разрабатывает психиатрическую рецептуру вин и рекомендует их лечебную дегустацию. На этом ироничном способе лечения безумия заканчивается повесть.

Многие критики восприняли теорию доктора Крупова всерьез, и она стала нарицательной: мир безумен, человечество плывет на корабле дураков, мы живем в мире глупцов и т. д. Впрочем, в рецептах доктора Крупова очевидна не только сатира. За обличениями нравов сквозит ирония и пародия.

В примечании к французскому переводу Герцен назвал своего «Доктора Крупова» «шуткой» (20; 104). Белинский отмечал в повести «тон иронии, для одних очень веселой и забавной, для других грустной и мучительной», и только «в изображении косоного Лёвки — фигуры, которая бы сделала честь любому художнику», по мнению Белинского, «автор говорит серьезно» [Белинский: 326].

Как рациональную шутку представил повесть Герцена Н. Н. Страхов:

«Кто помнит доктора Крупова, тот помнит, конечно, и его теорию. Она состоит в том, что люди, вообще говоря, повреждены в уме, что человечество поражено повальным сумасшествием. Упорные заблуждения людей, их слепое подчинение страстям, их действия, явно противоречащие их собственной пользе, — все это доктор Крупов считает следствием давнишнего эпидемического помешательства.

Для того чтобы подобная шутка была остра и занимательна, нужно было одно условие — нужно было, чтобы она как можно более походила на правду. Истинно остроумен может быть только тот, кто истинно глубокомыслен. Шутка у Герцена вышла странная; из простой насмешки над людскими слабостями и предрассудками она переходит в скорбную, в отчаянную думу о бедствиях и страданиях людей, и под конец кажется, что мысль о хроническом и повальном умопомешательстве гораздо легче и отраднее, чем представление, что люди все свои безумства и злодейства делают в полном разуме и с неповрежденным сердцем» [Страхов: 37].

Теория доктора Крупова о повальном сумасшествии людей стала нарицательной.

Вот характерный пример подобной трактовки повести внимательным читателем А. У. Порецким, который в четвертом номере журнала «Время» за 1861 г. так писал по частному поводу в разделе «Внутреннее обозрение»:

«Читая этот приказ и вдумываясь в обстоятельства, его вышавшие, право можно подумывать, что находишься во всесветной больнице доктора Крупова, среди его повально-помешанных» [Порецкий: 63].

Того же мнения был и сам автор, обсуждая исторические нелепости в русских законах:

«...доктор Крупов был совершенно прав, принимая всех людей за сумасшедших» (14; 136).

Мысль о том, что мир безумен, не нова и не оригинальна. В мировой и европейской литературе она представлена в сквозных сюжетах и мотивах Себастиана Бранта, Эразма Роттердамского и других гуманистов. В русской рукописной традиции была своя сатира — «Дом сумасшедших», в который поэт А. Ф. Воейков поместил знакомых поэтов, профессоров, журналистов.

Герцен не столь прямолинеен, как доверчиво воспринявшие декларации Крупова критики. Умеренная ирония, сатира, пародия придают декларациям и прокламациям черты художественности. Однозначные, но противоречивые суждения автора и героев приобретают двойственность, неоднозначность, амбивалентность.

Прибегая к психиатрии, доктор Крупов собирается лечить общество. Его лекарства горьки — критика, правда, ирония. Для исцеления людей следует изменить социальную среду. Очевидны два варианта. Последние полтора века доминирует оптимистический вариант лечения: всё будет хорошо, наука, техника, демократия, равенство, братство осчастливят человечество. Пока не осчастливили. Второй — пессимистический: болезнь неизлечима. В парадигме «чистого разума» — это тупик. Герцен преодолевает эту коллизию художественными средствами. Инициированный им и представленный шуткой французский перевод «Доктора Крупова» воодушевил автора еще на один эксперимент — на ироничный трактат «Aphorismata по поводу психиатрической теории д-ра Крупова. Сочинение прозектора и адъюнкт-профессора Тита Левифанского».

В трактате усилено игровое начало. «Лично» сумасшедший» ученик усугубляет теорию учителя. Если для доктора Крупова безумие было болезнью, то для Тита Левифанского «всё зовет к безумию, всё жило и живет им» (20; 117). Апология становится апофеозом безумия.

Автор обыгрывает имя и фамилию героя. Исправляя неточную этимологию «семинарской» фамилии сочинителя-прозектора (см.: [Созина: 21]), отметим, что в пародийный подтекст «*Arphorismata*» Герцен включает и «Левиафан» Томаса Гоббса (см.: [Туниманов: 26]), и альманах Белинского с тем же названием, куда была предназначена повесть «Доктор Крупов». У героя одновременно имя и римского историка Тита Ливия, и одного из причисленных к 70-ти апостолам ученика апостола Павла. Такова ироничная семантика имени и фамилии героя: «...Левиафанский, Левиафанский, да еще Тит!» (20₁: 111).

Тема безумия в поэтике Герцена предстает в философской парадигме русской литературы (см.: [Захаров]). Кто безумен — вопрос открыт. Что лечить — ответ известен. Кроме иронии и сатиры, иных средств лечения социальных болезней автор не предлагает: для него лучшим лекарством от безумия осталась литература.

Примечания

- ¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 4: Проза. Письма. С. 242.
- ² Там же. С. 243.
- ³ Герцен А. И. «Кто виноват?» // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1954–1965. Т. 4. С. 280–281. Далее тексты Герцена цитируются по этому изданию с указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

Список литературы

- Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 10. С. 279–359.
- Захаров В. Н. Поэтика безумия у Пушкина, Гоголя, Достоевского (полемические заметки) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 92–106 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621013677.pdf (27.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9642
- Мотеюнайте И. В. Зачем нужен юродивый Герцену и Гл. Успенскому: на материале рассказов «Доктор Крупов» и «Парамон Юродивый (из детских воспоминаний одного “пропащего”)» // Грехнёвские чтения. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2006. С. 9–15.
- Порецкий А. У. Обзор современных вопросов // Время. 1861. № 4. С. 41–72.

5. Созина Е. К. Мифология, идеология и мистификация в повести А. Герцена «Aphorismata» // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 14–23.
6. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. СПб.: тип. С. Добродеева, 1882. Кн. 1. XII, 362 с.
7. Туниманов В. А. А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 226 с.

References

1. Belinskiy V. G. A Look at Russian Literature of 1847. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. *The Complete Works: in 13 Vols*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 279–359. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. The Poetics of Madness in Pushkin, Gogol, Dostoevsky (Polemic Notes). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 92–106. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1621013677.pdf (accessed May 27, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9642
3. Moteyunayte I. V. Why Does Herzen and Gleb Uspensky Need a Holy Fool: Based on the Stories “Doctor Krupov” and «Paramon the Holy Fool (from the Childhood Memories of One “Lost”)». In: *Grekhnevskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov* [Grekhnev Readings: Collection of Scientific Papers]. Nizhny Novgorod, 2006, pp. 9–15. (In Russ.)
4. Poretskiy A. U. Review of Contemporary Issues. In: *Vremya*, 1861, № 4, pp. 41–72. (In Russ.)
5. Sozina E. K. Mythology, Ideology and Mystification in the Story of A. Herzen “Aphorismata”. In: *Arkhetipicheskie struktury khudozhestvennogo soznaniya* [Archetypal Structures of Artistic Consciousness]. Екатеринбург, 2001, issue 2, pp. 14–23. (In Russ.)
6. Strakhov N. N. *Bor'ba s Zapadom v nashey literature: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle with the West in Our Literature: Historical and Critical Essays]. St. Petersburg, tipografiya S. Dobrodeeva Publ., 1882, book 1. 362 p. (In Russ.)
7. Tunimanov V. A. A. I. *Gertsen i russkaya obshchestvenno-literaturnaya mysl' XIX v.* [A. I. Herzen and Russian Social and Literary Thought of the 19th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 226 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.
Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.09.2021

Принята к публикации / Accepted 07.10.2021

Дата публикации / Date of publication 15.11.2021